

ОГОНЁК

№ 29 — ИЮЛЬ 1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОГУЧИЙ МАГНИТ

«Англия оказалась особенно восприимчивой к его обаянию».

Британская энциклопедия о Чехове.

Джон Голсуорси в 1928 году писал в одном из своих литературно-критических этюдов: «В течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов... Великая победа Чехова заключается в том, что он сумел сделать спонойствие волнующим, как волнует прерия или пустыня всякого, кто впервые встречается с ними. Как он этого добился — это его секрет, прямо говоря, не всем доступный».

Как справедливо замечает Голсуорси, для множества западноевропейских писателей, восхищавшихся Чеховым, оказалось, однако, непосильным следовать по его пути, и их попытки овладеть мнимой «легкостью» его творческого метода кончались крахом: «Некоторым писателям кажется, что достаточно лишь старательно запечатлеть на бумаге повседневное течение событий и чувств и они напишут такие же чудесные рассказы, как Чехов! Увы! Этого недостаточно...» Беда этих писателей, по мнению Голсуорси, заключается в том, что, стремясь лишь к точной передаче мимолетных, случайных впечатлений, они скользят по поверхности и, оторванные от жизни, не могут подняться до больших художественных обобщений, свойственных искусству Чехова. Источником силы Чехова Голсуорси считал его глубокую всестороннюю связь с народной, национальной жизнью своей страны, его превосходное знание «ума, сердца, характера русского человека».

Плодотворно использовать художественные открытия Чехова смогли лишь те передовые писатели, которые видели в нем реалиста, художника народной жизни. Не случайно в качестве такого положительно го примера Голсуорси называет имя Кэтрин Мэнсфильд, талантливой англо-австралийской писательницы. В лучших из ее психологических новелл, проникнутых мягким юмором, отчетливо звучит тема моральной ирасоты «простого» человека, ущемленного в своем достоинстве классовым обществом. Преклоняясь перед Чеховым, Кэтрин Мэнсфильд сравнивает его с Гомером, выразившим в своих поэмах дух греческого народа. «Я перечла «Степь», — пишет она. — Что можно сказать о ней? Это просто одна из самых великих повестей в мире, — своего рода «Илиада» или «Одиссея». Мне кажется, что я запомню это путешествие наизусть. Есть вещи, о которых говоришь: они бессмертны...»

Русской литературе и одному из ее корифеев, Чехову, многим обязан и Бернард Шоу. Говоря об «Иванове», «Дяде Ване», «Чайке», «Вишневом саде», Бернард Шоу замечал: «Эти глубоко русские пьесы изображали то, что было во всех усадьбах Европы...»

В 1944 году Шоу писал: «В плееде великих европейских драматургов — приемников Ибсена — Чехов сияет как звезда первой величины даже рядом с Толстым и Тургеневым. Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматургическими вариантами темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом. Под влиянием Чехова я написал пьесу на ту же тему и назвал ее «Дом, где разбиваются сердца» — «фантазия в русском стиле на английские темы».

В этой пьесе, написанной в 1917 году, Шоу не только учился у Чехова изображать «культурных бездельников», представителей разложившейся, далекой от народа европейской буржуазной интеллигенции кануна первой мировой войны, но и, подобно Чехову, предугадывал неизбежность великих перемен, которые должны изменить судьбы народов.

«Это не самая худшая из моих пьес, — говорит Шоу, — и, надеюсь, она будет принята моими русскими друзьями, как знак безусловно искреннего преклонения перед одним из величайших среди их великих поэтов-драматургов».

М. ЧЕРНЕВИЧ